

Колдовские *Миры*

Яна Ясинская

ВЫБОР ШАТЕРЫ

Москва
2018

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Я81

Разработка серийного оформления
Ф. Барбышева, А. Саукова

Иллюстрация на переплете *И. Кругловой*

Ясинская, Яна.

я81 Выбор Шатеры / Яна Ясинская. — Москва : Издательство «Э», 2018. — 512 с.

ISBN 978-5-04-092568-1

Он вырос в роскоши дворца, она — в поселке каторжников. Он — залог шаткого перемирия в войне трех галактических империй, она — взбалмошная авантюристка, мечтающая только о свободе. Они встретились волей судьбы — принц и нищенка, принадлежащие к разным расам и разным мирам, и детская дружба переросла в отчаянную любовь. Любовь, у которой не может быть будущего. Любовь, которая поставит их перед страшным выбором: долг или счастье. Любовь, которая изменит ход истории Вселенной.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-092568-1

© Ясинская Я., 2018
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2018

Пролог

Яркая вспышка. Взрыв. И пугающая тишина. Безмолвная, всепоглощающая — как сама вселенная. Вот уже несколько столетий в межгалактическом пространстве шли бои. Кто начал эту войну, что послужило первопричиной — не помнили даже старики. Но каждый день, каждый час гибли люди, и не было этому конца.

Дарий, Альтаир, Земля — три планеты, три великие империи — делили пограничные территории между собой. Топливные кристаллы уже давно стали драгоценней человеческих жизней. И цель всегда оправдывала средства.

По крайней мере так думали те, кто стоял на вершинах власти: Дэмонион — владыка Дарийской империи, Иоанн — император Альтаира и Айлит Боро — Верховная правительница Земного Альянса.

Однако существовали и другие, оставшиеся за ширмой официальной истории, но все же сумевшие переписать ее страницы. Подчас люди случайные, непрошенные. Волей рока оказавшиеся не в том месте, не в то время. Родившиеся не под той звездой. У каждого из них был свой путь и свой крест. Они взбирались на недосыгаемые высоты, падали и вновь устремляли взоры ввысь, веря, что однажды им все-таки удастся дотянуться до звезды и навсегда изменить свою судьбу.

Часть первая

КАТАР

1. «ЗАМЕЧАТЕЛЬНОЕ» УТРО

Ледяные порывы северного ветра больно били в лицо. Снежные хлопья застилали глаза. Но страж Дэбэра, суровый, грозный мужик, словно не замечал разбушевавшейся стихии. Настырно пробираясь сквозь бурелом Сумрачного леса, он искренне радовался не на шутку разыгравшейся озлобленной метели, которая заметала отпечатки его сапог, преследующие стража от моста императорской тюрьмы.

Если честно, Саяр сам до конца не верил в происходящее. За всю свою жизнь он не сделал ни одного доброго дела по отношению к чужим ему людям. Ни одного! Если бы кто-нибудь однажды сказал Саяру, что он, рискуя собственной шкурой, попытается вынести из Дэбэра рожденного узницей младенца, страж бы рассмеялся ему в лицо.

Но сейчас Саяру было не до смеха. В руках, словно драгоценную ношу, мужчина нес мешок, в котором на тряпках, снятых с покойников, мирно посапывал младенец. Это просто чудо, что ребенок не проснулся и не закричал в караулке! Тогда бы им точно обоим не жить.

Нет. Он не собирался оставлять мальчика себе. План был прост: отдаст мальчика повитухе, и дело с концом! Пусть пристроит к какой-нибудь новоиспеченной мамаше. Иначе дитя помрет с голодухи, и тогда поступок Саяра, пожалуй, единственный добрый в жизни, окажется напрасным.

Впрочем, кому он врет? Спасая младенца из Дэбэра, страж руководствовался отнюдь не добротой. Даже здесь, в Катаре, испокон веков существует неписаное правило: долги надо отдавать. А Саяр и вся его семья в неоплатном долгу перед матерью этого заморыша. Но сегодня он сумеет обнулить долг. Если только малец не помрет от холода и голода прежде, чем найдется повитуха.

* * *

Истошные женские вопли. И психованный голос старой повитухи:

— Тужься, я тебе говорю! Тужься, Акраба! Тужься!

Сугробы намело почти под крышу старой покосившейся хижины, затерянной на самой окраине Катара — закрытого поселения каторжников и военнопленных. Возле очага на грязной кровати в родовых муках корчилась молодая женщина. Возможно, еще совсем недавно красивая, но сейчас грязная, беременная, неменяемая от боли. Половину лица уродовали страшные ожоги, правая рука отрублена по локоть.

— Ненавижу! Ненавижу этого выродка, — то и дело скулила она. — Дай мне выпить, Кара! Дай мне порошка! Дай хоть что-нибудь! Я не могу больше... А-а-а... — слова превращались в вой.

Стук в дверь, громкий и настойчивый, заставил повитуху оторваться от роженицы.

— Кого еще принесла нелегкая?!

Раздосадованная тяжелыми затяжными родами повитуха распахнула дверь и тут же, охнув, отступила, обнаружив на пороге огромного хмурого стража Дэбэра.

Бородач бросил сумрачный взгляд на извивающуюся в муках роженицу, после чего молча вытащил едва живую от страха повитуху из хижины.

* * *

Путь от столицы Дария, Адейры, до императорской тюрьмы Дэбэр был неблизким и пролегал через Катар — через вечно заснеженный, до пугающего неуютный Катар. Пышно разодетый Верховный Лекарь Бэр, бросив на серебряный поднос последнюю косточку от жареной дичи, вытер белоснежным платком испачканные птичьим жиром губы и тоскиво вздохнул. Еда — единственная отрада в этом нудном путешествии — похоже, подошла к концу, а до Дэбэра еще ехать и ехать. Чтобы убедиться в этом воочию, толстяк выглянул из окна кареты, на дверце которой золотом отливали

императорские вензеля. Сплошной серый непролазный Сумрачный лес и бесконечный снег, будь он неладен!

Бэр задернул шторы, пожившись, посильнее закутался в богатый плащ на меховой подкладке. Он терпеть не мог Сумрачный лес, через который шла кратчайшая дорога! Если бы таинственное силовое поле леса не выводило периодически из строя все технические приборы, он добрался бы до Дэбэра и быстрее, и комфортнее — на планолете или флайере. А так приходится по старинке трястись в доисторической коробке, запряженной тройцей черных дарэбов, мощных боевых полуконей-полудраконов. Кстати, еще одно существенное неудобство для чувствительного обоняния: дарэбы жутко смердят и одежду после путешествия можно смело выбрасывать. Впрочем... Смерд от дарэбов не шел ни в какое сравнение с «ароматом» горы трупов, которая накопилась в Дэбэре за прошедшую пару недель. Смерть узников и предстояло запротokolировать изнеженному и жеманному толстяку Бэру.

Раньше Верховный Лекарь посещал императорскую тюрьму лишь раз в месяц. Умерших за это время узников складировали в холодном подвале, где они спокойно дожидались его приезда. Но времена, увы, изменились. За решеткой все чаще стали оказываться те, кто еще недавно числился среди приближенных к власти. Причем не одни, а вместе со всей родней.

Чистка. По-другому и не назовешь. Император Дария с заведомой педантичностью убирал с пути тех, в ком подозревал хоть каплю крови Древних.

Крови, дающей право на трон соправителя Дарийской империи.

Дэмониону не нужен был соправитель, поэтому количество неугодных ему росло — а Бэру прибавлялось работы. Да еще эта смерть императрицы Арасэли...

— Совсем некстати, совсем некстати, — в который раз пробурчал Бэр, впиваясь задумчивым взглядом в меланхолично заснеженные пейзажи Сумрачного леса. — Совсем озвереет. Как бы каждую неделю в Дэбэр не пришлось приезжать...

Словно в подтверждение невеселых мыслей взгляд Бэра упал на изъеденный зверьем и хищными птицами труп каторжника, чей «смеющийся» оскал впечатлял. Местные, видать, ради шутки насадили его на дорожный шест, привязав к костяшкам рук табличку с надписью «Катар». Получился весьма оригинальный дорожный указатель.

— Шутники, — хмыкнул Бэр.

Пожалуй, этот смеющийся труп с табличкой как нельзя лучше олицетворял забытый земным Богом и дарийским Отаром Катар.

Поселение проклятых. Бандитов, изгоев, неугодных, инакомыслящих.

Странное местечко, странное.

Единственное на Дарии, где можно смело хаять власть. Потому что тебе за это уже ничего не будет — ты и так уже в Катаре. Поселение, где дарийцы в кабаке играют в карты со своими заклятыми врагами — военнопленными землянами. Вместе пьют и веселятся. Потому что смысла враждовать здесь, в обледенелом поселении, окруженном Сумрачным лесом, Северными горами и океаном, уже нет. Отсюда не выбраться: ни дарийцу, ни землянину. Так что в Катаре нет победителей. Здесь живут одни проигравшие. Хотя «живут» — слишком громко сказано. Скорее уж — доживают.

Опоясанный скалами, в недрах которых хранятся столь драгоценные для империи топливные кристаллы, Катар всегда производил на дэуса Бэра весьма гнетущее впечатление. Могильник с еще живыми людьми. Полуразрушенные хижины, погребенные под сугробами. Измученные горняки со страшными ожогами — следами от излучения топливных кристаллов, — бредущие в запыленных облезлых телогрейках в трактор, чтобы там, напившись крепкого эля, хотя бы на время забыть о своей незавидной судьбе. Уродливые кабацкие девки, готовые на все ради дозы порошка забвения. Собаки, разгрызающие на дороге труп очередного несчастного, погибшего от поножовщины или просто от голода... Одним словом — Катар.

Как ни странно, но высокомерный баловень судьбы дэус Бэр, несмотря на высокое положение при дворе и приличное состояние, сколоченное за годы службы императору, неплохо понимал нищий сброд Катара. Он, как и эти горняки, сам предпочитал с помощью эля прятаться от жизни в пьяном тумане. Так было проще и легче. Эль давал забвение, столь желанное порой даже Верховному Лекарю Дарийской империи.

Словно в подтверждение своих мыслей Бэр отхлебнул большой глоток из инкрустированной брильянтами фляжки. Поморщился.

Это так странно: у него есть все — и в то же время нет ничего.

Год назад, по обвинению в причастности к роду Древних, на Плато Семи Ветров вместе с еще тридцатью подозреваемыми были казнены его жена и единственная дочь. Доказательств, что в крови Элены и Изолины Бэр текла хоть капля крови Древних, никто так и не смог предъявить, но император Дэмонион предпочитал не рисковать. Он уничтожил всех, кто мог хотя бы теоретически прикоснуться к Жезлу Власти.

Бэра заставили лично зафиксировать смерть жены и дочери. Это входило в обязанности Верховного Лекаря. И он не осмелился возразить. О! Как же Бэр в тот момент ненавидел Дэмониона и презирал себя! Но страх перед императором оказался сильнее. А еще трусость... Бэр так и не отважился выпить яд, чтобы последовать к Отару за семьей.

Впрочем, справедливости ради, Бэр особо и не рвался вслед за Эленой и Изолиной. Хотя по семье определенно скучал. Его брак, как и многие браки дарийской знати, заключался исключительно по расчету. Поначалу не было даже особой симпатии. Елена никогда не слыла красавицей, зато Бэр всегда симпатизировал ее богатому приданому. Жена стала спасением для Верховного Лекаря, который на тот момент по уши погряз в карточных долгах. Это был счастливый взаимовыгодный союз: Елена закрывала глаза на финансовые «шалости» игрока-мужа, а Бэр, в свою очередь, успешно делал вид, что верит жене, будто дочка от него.

О том, что ребенок от другого, дэус Бэр знал совершенно определенно. Он обладал уникальным даром: мог с одного взгляда определить степень родства между людьми. Поэтому со временем и стал столь неприлично богат. Знать при дворе императора весьма любила походить «налево», так что тайн происхождения «приплода» у дворян хватало. А тайны, как известно, всегда ценились очень дорого.

Бэр с пьяненькой усмешкой взглянул на увесистое кольцо, украшающее его средний палец. Плата за еще одну маленькую шалость одного из министров. Однако, несмотря на столь щедрый подарок, от этой сытой жизни его все равно тошнило.

Верховный Лекарь снова отхлебнул из фляги.

— Разрази тебя Отар, Дэмонион. Лучше бы ты отправился к Отару, а не Арасэли... — Перед глазами дэуса Бэра невольно вспыхнула картина, как императрица умоляла мужа пощадить Элену и Изолину, которой едва исполнилось пятнадцать. — Лучше бы ты умер, Дэмонион... Лучше бы ты...

Карета выехала на мост, ведущий к Дэбэру. Верховный Лекарь поспешно отвернулся от окна, задернул шторы. Высоту он не выносил, а когда вдобавок внизу бесновался ледяной океан, Бэру и вовсе становилось не по себе. Эта неприступная крепость возвышалась на скалистом острове, посреди бушующей стихии. Неудивительно, что за всю историю отсюда так никто и не смог сбежать.

По крайней мере так думал Бэр...

Императорская тюрьма Дэбэр.

Несколько часов назад

Противный скрежет лязгающих замков. Ее избитое, окровавленное тело упало на каменный пол сырой камеры.

— Дурная работенка, — не выдержав, буркнул один из стражей напарнику, выходя из камеры.

Не успели их тяжелые шаги стихнуть в лабиринте коридоров императорской тюрьмы, как неприметная прислужница, копошащаяся неподалеку в грудe грязных тряпок — одежде

умерших за сегодняшний день узников, — поспешила к покойнице в надежде поживиться.

Через крошечное зарешеченное окошко, расположенное под самым потолком, в темную камеру просачивался тусклый серебристый свет двух ночных светил Дария — Туса и Наоки, освещая тело мертвой узницы, валяющееся на каменном полу в неуклюжей, неестественной позе.

Из раны все еще сочилась кровь. Лица не видно из-за мешка на голове. Но прислужницу мало волновало, кто перед ней. Единственное, что интересовало, — огромный живот, заметно выпирающий под одеждой покойницы.

Нерожденный! Большая удача! Местная повитуха, живущая неподалеку от Дэбэра — в Катаре, — даст за него не меньше десяти дар! А это огромные деньги! Хватит, чтобы отправить сыну, который вот уже год как учится в самой столице! В Адейре! Можно, конечно, обойтись и без посредничества повитухи и напрямую продать нерожденного горным ведуньям. Они бы заплатили за ингредиент, без которого не изготовишь эликсир молодости для богатых дариек, вдвое больше, но... Связываться с горными ведуньями чревато.

Не теряя время, прислужница достала небольшой нож, вспорола одежду покойницы. Живот был достаточно большой. Ребенок явно уже сформировался. За такого, возможно, заплатят и все пятнадцать дар!

Женщина довольно улыбнулась, тут же представив, как сын покупает на вырученные деньги новую ученическую форму и учебные свитки. О, как она гордилась своим мальчиком! Он был первым из детей прислужников Дэбэра, кто получит образование. Первый, кому удалось вырваться из этого проклятого места! В отличие от нее самой и мужа, который всю жизнь служил здесь же, в Дэбэре, стражем. И все благодаря благословенной императрице Арасэли, которая добилась разрешения у своего сурового супруга, императора Дэмониона, открыть школы и училища для детей простолюдинов. Удручало лишь одно — несколько дней назад в Дэбэр пришла дурная весть. Доброй императрицы не стало. Арасэли скончалась при преждевременных родах,

так и не произведя на свет долгожданного наследника. Вот уже три дня в империи стоял траур. Народ искренне оплакивал ту, что была светом для всего темного и мрачного Дария.

Прислужнице, несмотря на изрядно зачерствелую в стенах Дэбэра душу, тоже было искренне жаль молодую правительницу, которая дала ее сыну шанс на другую, более счастливую жизнь. Женщина панически боялась, что со смертью доброй императрицы обозленный на жизнь Дэмонион закроет новые школы и училища. Дай-то Отар, чтобы это было не так!

Где-то вдали послышался приглушенный, тяжелый звон колокола. Он гулким эхом покатился по скалам, растворяясь в бурной морской пучине беспокойного Северного океана, окружающего крепость Дэбэр. Плакальщик на главной башне завел свою еженощную заунывную песнь-восхваление Великому Отару.

Прислужница вздрогнула. Надо было спешить. Песнь Отару возвещала приближающийся рассвет. Еще немного — и звезда Сатаба сменит на небосклоне ночные светила блеклый Тус и лучезарную Наоки.

С трудом перекатив уже начавшее коченеть тело пленницы на спину, прислужница взялась за нож.

Неглубокий длинный надрез.

Тошнотворный, сладковатый запах крови.

Копаться во внутренностях покойницы — дело не из приятных, но мысль о наживе грела душу и придавала энтузиазма.

Наконец нерожденного удалось вытащить.

Крошечное, еще не успевшее посинеть тельце.

— Что ты здесь делаешь?!

Заставший врасплох сумрачный голос тюремного стража заставил прислужницу с перепугу подскочить на месте.

— Саяр! Это ты... — выдох облегчения. — Как же ты меня напугал!

Сегодня явно ее ночь! Сегодня она везучая! Как хорошо, что дежурным по крылу оказался собственный муж.

— Сколько раз тебе повторять, чтобы ты не промышляла в этом крыле! Ты же знаешь, здесь особые узники, — пробурчал бородатый громоздкий страж, нервно выглядывая за дверь. — Живо убирайся!

Но прислужница не собиралась уходить из камеры без добычи.

— Смотри! Здесь дар на десять, а то и на пятнадцать будет! Вот увидишь, повитуха не поскупится! Ведуньям перепродает! А мы... Мы сыну отправим!

Упоминание о единственном сыне заставило стража побавить гнев. Мальчику действительно было сложно вдали от родителей. Как и им без него. Дары точно лишними не будут.

— Поторопись. Я сам вынесу. Тебя на проходной иначе обшманоют. Эркиль дежурит.

Эркиль — это плохо. Дотошный. Злой. Нет, он бы, конечно, выпустил. Но пришлось бы делиться. А зачем делиться, когда муж и сам спокойно вынесет из тюрьмы нерожденного. Только надо поторопиться. Пока не передумал.

— Я сейчас. Сейчас.

— В мешок какой-нибудь заверни. Не в руках же тащить.

Легко сказать: «мешок». Где его взять-то в пустой камере? Взгляд прислужницы упал на замотанную голову покойницы. Нет! Удача точно сегодня на ее стороне! Как раз то, что надо! Достаточно прочный, вместительный и не слишком большой — такой не привлечет лишнее внимание. Все уже давно привыкли, что нищие прислужницы и стражи каждый день выносят из Дэбэра тряпье покойников. А к Саяру — начальнику стражи в Северном крыле — и вовсе никаких вопросов не будет.

Тесемка мешка на шее покойницы была завязана слишком крепким узлом. Ее пришлось разрезать все тем же окровавленным ножом, которым еще несколько минут назад женщина вспарывала убитой живот.

— Дай я сам. — Видя, что жена слишком долго копошится с узлом, страж отобрал у нее нож. Один ловкий надрез, и мешок уже в руках у женщины. — Быстрее давай.

Прислужница повернулась, чтобы запихать тело младенца в мешок, а страж тем временем от нечего делать бросил взгляд на убитую.

Уже в следующее мгновение он понял: зря он это сделал. Ой, как зря!

— Сара... — одними губами ошарашенно прошептал он, обращаясь к жене. — Сара...

Прислужница обернулась. Ее взгляд скользнул по синюшно-бледному, искаженному болью лицу совсем юной покойницы.

Сердце на мгновение остановилось. Откуда-то изнутри внезапно для самой прислужницы вырвался сдавленный не то стон, не то вскрик.

— Нет... Только не она... Саяр... Как же так? Саяр! Это не может быть она!

Отчаяние. Боль. Горе... Неподдельное горе обрушилось на ту, чья душа, казалось бы, давно должна была полностью заледенеть в застенках императорской тюрьмы.

И в это самое мгновение заплакал младенец.

Едва слышно, но с упрямой настойчивостью.

Ошарашенные прислужница со стражем перевели взгляд с мертвой матери на младенца, который, внаглую игнорируя все законы природы и саму смерть, явно собирался жить.

Супруги перепуганно переглянулись. Оба прекрасно понимали: как только младенец сделал первый самостоятельный вдох, он потерял для ведуний всякую ценность. За него теперь не заплатят и полдары.

Никому не нужное дитя.

Его оставалось только утопить в бочке с дождевой водой, которая стояла в тюремном дворе. Так поступали со всеми детьми, рожденными в Дэбэре. Прислужница сама топила таких, и не раз.

Но рядом с внезапно ожившим младенцем лежало еще не до конца остывшее тело его матери...

Инстинкт самосохранения кричал обоим: «Бегите прочь!» Однако ни прислужница, ни страж не сдвинулись с места.